

НУЛЕВОЙ КИЛОМЕТР

Даниил Тихомиров,

Московская область, г.о. Электросталь, МОУ «Гимназия № 4»

Все началось с поездки в Минск. Мы ехали на машине, и родители неспешно обсуждали маршрут поездки, где какие остановки лучше сделать. Мне же это было совершенно неинтересно. Я только что пришел к одному очень значимому решению — понял, что главное в жизни — нуль. Не задумавшись о том, что мешаю родителям, начал им рассказывать о своем открытии:

— С нуля все начинается, — говорю я. — Бог создал землю из ничего, то есть с нуля. Дома строят на пустом месте тоже с нуля, и этому есть название — нулевой цикл. Даже ребенок рождается с нуля, ведь год-то ему исполняется не в день, когда он появился на свет, а лишь через год.

Я был горд своим открытием и знал, что родители мне ничего не смогут возразить. А вот они-то как раз и не разделили этого моего мнения. Они попытались мне объяснить, что с нуля не только что-то начинается, но им и заканчивается, например, доисторическая эпоха закончилась и началось наше время. Не дав им больше ничего сказать, я фыркнул, сообщив, как мне казалось, еще одну гениальную фразу, что история — это что-то далекое и абсолютно не касающееся нашей жизни. Обиделся. Отвернулся к окну и стал наблюдать за пейзажем, пробегающим вдоль дороги.

...Неожиданно моего плеча кто-то коснулся. Обернулся. Рядом со мной стояли три черноволосые девочки, примерно мои ровесницы. Только были они какими-то

худенькими, а в глазах был испуг, как будто они разбили мамину любимую чашку и сейчас им влетит. Девчонки поманили меня с собой. Одна из них, что была помладше, сказала:

— Пошли.

— Куда пошли, зачем? — удивился я.

Но какая-то неведомая сила заставила меня пойти с ними. Мы шли по обочине дороги, девчонки вздрагивали от каждого резкого звука, а если вдруг вдалеке раздавалось урчание мотора, то быстро убегали в кусты, волоча меня за рукав с собой. Мимо проносились машины с солдатами, одетыми в немецкую форму. Когда мы спрятались в лесу в первый раз, меня это позабавило. Во второй — стало раздражать. А в третий — я выхватил свою руку и громко крикнул:

— Хватит, надоело. Что за глупая забава?

Старшая девочка меня резко толкнула, я упал, и тут же по дороге проехала машина с солдатами.

— Ты что, очумела? — закричал я.

Девчонки посмотрели на меня и прошептали:

— Война.

— А, война! Ну и что! Я-то думал, что-то страшное. Это же просто компьютерная игра. Ну, убьют. И что из этого? «Перезагрузюсь» и вновь буду жить. Всех и «делов»-то.

Девчонки непонимающе посмотрели на меня. Ничего не сказав и продолжая прятаться в кустах при малейшем шуме, они вели меня дальше. Только как-то странно на меня смотрели, то ли жалея, то ли считая меня глупым. Так молча и дошли мы до деревни. Ее название было выведено готическими буквами, но я смог прочесть «Старое Село». Прошли мимо домов. Дома были какими-то вымершими, да и на улице людей не было, и лишь в центре

деревни стояла... виселица! И на ней болтались паренек и мужчина, на их груди висели таблички: «Партизаны».

Пройдя мимо площади, свернули к дому, но прошли мимо него по огороду до конца, подняли с земли, как мне показалось, кусок дерна с какой-то деревяшкой и нырнули в яму, утаскивая с собой и меня. В яме было темно, холодно и сыро. Я зябко поежился.

— Какая-то странная игра, — запоздало мелькнуло у меня в голове.

И тут девчонки заговорили. Оказалось, что это три сестры: Ольга, Таисия и Лидия, — и живут они в яме, которую вырыл их отец до войны, хотел погреб сделать. Да не успел.

Я испуганно оглядывался по сторонам, не понимая, где я. Вдруг мой взгляд привлек слабый огонек, который светился где-то в конце ямы. Я пошел к нему и увидел, что в земляной нише стоит икона Божьей Матери, а перед ней горит лучина. Я повернулся к девчонкам и сказал:

— Эх вы! Перед иконой свечу жгут, а не лучину.

Подобие улыбки озарило их лица:

— Дурачок, война ведь. Где свечки-то взять? Вот и жжем лучину.

Я всматривался в лица девчонок в надежде на то, что они рассмеются и скажут, что это шутка. Девчонки были серьезны. Однако что-то родное, узнаваемое было в их лицах. Позвольте, да Лида — это же моя бабушка, Ольга и Таисия — мои тетки. Но как такое может быть? Ведь они давно умерли, да и родились они задолго до моего рождения.

Я задумался, а девчонки продолжали рассказывать:

— Мы пионерки.

— Кто? — переспросил я.

Девчонки переглянулись, и Таисия сказала, что это такая детская организация — пионерия.

— А, — запоздало припомнил я.

Родители что-то рассказывали, они еще красные галстуки на шее носили. И тут, как бы подтверждая мои слова, девчонки достали из-под камня два красных галстука и значок.

— Комсомольский, — указывая на него, сказала Таисия, — незадолго до войны меня приняли.

— Ну, вот еще, какие-то комсомольцы, — подумал я.

Но вслух уже ничего не сказал, побоялся, что из-за моего незнания девчонки больше ничего не расскажут, а мне было ужас как интересно, ведь я уже понял, что попал в прошлое, так сказать, «влип в историю».

А Таисия начала свой рассказ:

— До войны деревня наша была шумная, дружная, веселая. Вместе гуляли, вместе праздники отмечали, вместе работали. Мы, как пионерками стали, так кресты с себя посрывали и выбросили, все к матери приставали, чтобы она икону выкинула. Ведь срам это — Богу поклоняться. Нет его. Мать все вздыхала да плакала, но икону не выбросила. Нам строго-настрого запретила ее трогать, а батя сказал, что если кто из нас икону из дома утащит, выдерет. Да так сурово сказал, что икону мы не трогали, а над родителями втихаря посмеивались.

22 июня 1941 г. переменяло всю нашу жизнь. Воскресное утро. Ребятня и взрослые собрались на покос. Ушли в поле. День был жаркий. Мальчишки поехали за водой. И вдруг несутся назад, нахлестывая лошадей, что-то орут, режут. Все бросились к ним, а они на одном дыхании выпалили: «Война!». Женщины зарыдали. Мужики насупились и быстро пошли в сторону сельсовета. Мы, дети, побежали, опережая взрослых. В центре села уже стояли председатель колхоза и военный. Председатель сказал, что по радио передали выступление Молотова, который сообщил, что на нашу Родину вероломно напали германские войска. Военный объявил, что в сельсовете открывается мобилизационный пункт. Мужики сразу же пошли записываться на фронт.

— И я пошла, — добавила Таисия, — да только не взяли, возрастом не вышла.

— Как это возрастом не вышла? — тихонько спросил я.

— Да-к годков мало было, не было еще девятнадцати. И батька Павел пошел. Мать, как узнала, ох уж и ревела, полотенцем меня отходила, батька сказал: «Без «сопливых» фрицам башку свернем». Уже через несколько дней через деревню, в сторону Смоленска, потянулись обозы с ранеными солдатами и беженцами, а по направлению к Минску шла наша пехота. Беженцы были усталые, серые, глаза грустные. Потом отступали наши солдаты, в глаза жителям старались не смотреть. Переживали. Мы, чем могли, подкармливали и солдат, и беженцев. Бегали за водой на колодезь для раненых. В общем, как могли, помогали. А потом начались бомбежки, вот тогда мы и перебрались жить в недостроенный батькой погреб.

Наши отступили, пошла война дальше к Москве, а через деревню потянулись колонны наших пленных солдат. Те из мужиков, кто не успел в армию уйти, стали немцам мешать по-всякому: то конюшню подожгут, то солдата вилами заколют. Сами в лесу живут, их партизанами называют. Немцы их ужас как боятся. Лютуют, деревни сжигают да разоряют, парней и девчонок в Германию гонят. Кого поймают из партизан, так их пытают: бьют, кожу на спине и животе режут, каленым железом жгут, глаза выкалывают, чтобы рассказали, как остальных найти. Партизаны молчат, тогда их прилюдно вешают или расстреливают и трупы долго не разрешают убирать и хоронить.

Мы не боимся, мы верим, что все равно победим фашистских гадов. Тут по всей Витебской области концлагерей понаделали полным-полно. Немцы в нашу деревню пришли. Скот позабирали, поля пожгли. Люди в домах остались. Голодно стало, да одно лес прокормит, вот и стали в лес за грибами-ягодами ходить.

— К зиме готовились, — грустно добавила самая маленькая Лида.

Таисия продолжила:

— Да, готовились! Да до зимы не дожили! Пришли в деревню каратели-полицаи. Согнали всех парней и девчат в амбар. Мы уж думали, всех сожгут заживо! Бабы и старики

амбар окружили, ревут, просят нас выпустить. Полицаи стрелять начали, к амбару никого не подпустили. Два дня нас в амбаре продержали, а на третий, как скот, на станцию погнали. Посадили в товарные вагоны, в них до войны скот перевозили, и куда-то повезли. Дня два ехали. И приехали... Выгрузили нас из вагонов, смотрим: вокруг немцы с собаками, проволока рядами, и сараи стоят. Загнали нас на территорию и по отрядам разделили. Нам повезло. Мы втроем в один отряд попали. Загнали по сараям, они их бараками называли. Да уж и бараки, в деревне скот лучше жил... А тут — крыша течет, на деревянных настилах солома гнилая, кормили — корка хлеба да кружка воды на день

Гоняли нас какие-то рвы рыть. Дни казались неделями. Недели — вечностью. Так месяц и прошел!

Вечером, как с работ в лагерь загонят, перекличку проведут, потом в барак. Каждый день кто-то умирал, кого-то убивали, просто так, для веселья.

Вот лежим мы в бараке, о доме разговариваем, мать с отцом вспоминаем. В один из дней молитва припомнилась, что мать перед иконой читала. Вот и сами стали молиться.

Лида вздохнула, прижала руку к груди и показала крестик.

— Как? Откуда?! — выдохнул я вопрос.

— Да-к матушка, оказывается, углядела, куда мы крестики выбросили, подобрала да, как война началась, нам подала. Мы сначала надевать-то не хотели. Смотрим на мать, она стоит перед иконой, молится и плачет. Так и недели, чтобы мать не обижать. Сначала хотели смехом молиться, чтобы ей угодить. А потом уж без веры не жили ни минуты. Просили Господа жизнь нам сохранить да немцев победить! А в лагере и молиться научились, и в Бога поверили. Вернулись мы к Богу. Так и жили.

Девочки помолчали, а потом Таисия вновь заговорила:

— Как-то надумали бежать. Вывели нас немцы на работу. Стали мы копать. Смотрим, охрана о чем-то болтает. Мы лопаты побросали и побежали. Да дуры: в поле побежали.

Нас собаки нагнали, на землю повалили и давай за одежду таскать. Мы ревом. Лица руками закрываем. Тут солдаты подошли, стоят, смеются. Потом собак оттащили, ногами нас попинали и назад в лагерь отволокли. Там показательную порку устроили. В центре лагеря настил был. Вот и положили нас на настил и давай палками охаживать. Мне и Лиде по почкам попали. Ольге повезло, ей по ягодцам. И опять нам повезло, нас не разлучили!

Вновь все кругом пошло: работа-барак-работа-барак... А нам нейдет... Опять задумали бежать. Да в этот раз уж умнее были. В лес побежали, к болотам.

Убежали, не поймали нас гады. Сколько до дома шли — не скажу, со счета сбились. Лесом шли. Мимо деревень проходили. Есть охота, хорошо, какой гриб или ягодка попадутся, воду из ручейка или из лужи пили. А в округе немцы деревни с живыми людьми сжигают. Никого не жалеют: ни младенцев, ни стариков. Всех в амбар, дверь подпрут, сеном обложат, бензином обольют и подожгут. Стар и млад орут, двери ломают, вырваться хотят, да-к кто и вырвется, так немец их из автоматов расстреливает.

Много деревень горелых прошли и до своей добрались. Глядим, а она пустая. Нет никого. Мы и полезли в яму, где от бомбёжек прятались. А в ней ничего не тронута, и икона стоит, а перед иконой лучина догоревшая. Тут и остались. Через несколько дней мать пришла и рассказала, что как нас полицаи угнали, то солдаты приехали, кого убили, кого не тронули. Ночью, кто жив остался, в лес ушли. Одна она в деревню приходит, в яму спускается и нас ждет. Каждый день Богородице молится, чтобы мы живы были, чтобы она нас спасла.

Мать слушаем, ревом, а сами крестики из-под обносков достаем да матери показываем и говорим, говорим, как Богу молились о побеге. О жизни своей. Мать плачет, нас обнимает, молитвы шепчет, а мы какое слово поймем, за ней повторяем.

Слушаю их, молчу, почему-то даже боюсь пошевелиться, только мурашки от страха бегут по спине, да носом шмыгаю, чтобы не разреветься, как-то ведь неправильно — они девчонки и не плачут, а я реветь буду.

— Так и живем, — продолжает Таисия, — нашим партизанам помогаем, из деревни в деревню ходим, смотрим, где немецкие солдаты на постое стоят, где танки, где пушки, а как что углядим, батьке скажем, а он уж кому нужно расскажет.

— А кому нужно? — не понял я.

— Кому-кому, партизанам, конечно, — серьезно пояснила Ольга.

Я смотрел на девчонок и удивлялся, как они, такие маленькие, все это могут переносить, жить в этом аду...

— Ну, все, тебе пора, — вдруг сказала Таисия.

Я хотел возразить, сказать, что мне интересно, я хочу еще послушать, как вдруг Лида спросила:

— А что такое перезагрузку?

— Это, — начал было я, но тут девчонки пропали...

И я услышал голос папы:

— Так всю оккупацию в деревне и прожили. Война закончилась. Таисия с моей мамой, Лидией, в Витебск переехали, институт окончили, учительницами математики стали, в школе преподавали. Умерли в 53 года, почки у них больные были... Ольга в Могилев уехала. Бабушка с дедушкой в деревне остались. Дедушка веселый был, добрый. А бабушку я не знаю, она умерла до моего рождения.

Машина остановилась.

— Мемориальный комплекс Хатынь, — прочел я на вывеске.

Перед глазами простиралось поле с печными трубами. И какая-то неживая тишина. Да, да — тишина бывает неживой. Это когда листья шелестят, птицы поют, но ты как бы этого не слышишь, не нужный это звук, лишний.

Бам-м! — неожиданно прозвучал звук колокола, бам-м — вторил ему другой. Звук какой-то настораживающий и в то же время — грустный. Вновь раздалось: бам-м. Я присмотрелся к трубам и увидел, что над каждой трубой не вьется дым, а висит колокол, и его звук как бы говорит:

— Помни!

Символические калитки открыты, дворы пусты, в них нет домов, стоят лишь только трубы. Дома сожжены дотла. Я всматриваюсь в улицы некогда бывшей деревни и вдруг вижу сарай с обвалившейся внутрь крышей. С аляющими, как кровь, гвоздиками в провале. Это амбар, где были сожжены жители этой деревни. Младшему было семь недель отроду, старшему — более 80 лет.

Бам-м! ПОМНИ! Каждые 30 секунд! Помни, здесь жили люди! Помни, они были сожжены в амбаре живыми! Помни, кто выбрался из амбара, того расстреляли. Помни: кузнец Иосиф Каминский с сыном на руках. Это не памятник — это страдание человека, выжившего в огне, но потерявшего в пожаре сына, нашедшего его чуть живым и вновь потерявшего его уже навсегда (мальчик умер от ожогов и ран). И все серо-черного цвета, цвета окончания жизни, цвета детского ночного страха, цвета смерти. ПОМНИ!

Я стоял и смотрел на пустошь, где когда-то была деревня; быть может, мимо нее, крадучись, прошли три сестры, а может быть, видели, как полицаи сжигали людей. Смог бы я вынести все тяжести, выпавшие на моих ровесников в той войне? У меня нет ответа на этот вопрос.

Я поднял глаза к небу и как будто увидел силуэты трех сестричек и услышал их шепот: «Помни и верь».

Я пошел к машине, а подойдя, увидел столб, отмечающий километры, на нем устрашающе чернел нуль.

— Так вот о чем говорили родители, — запоздало подумал. — О том, что нуль — это не только начало чего-то, но и конец, конец эпохи, войны, жизни... А история — это не то, что было где-то когда-то с кем-то, это в первую очередь история твоей семьи, и она не далеко, а рядом очень-очень близко с тобой.

Молча я сел в машину, и мы уехали.

Через несколько дней я стоял в церкви и молился Богородице обо всех погибших во время той страшной войны и благодарил Господа за то, что кто-то из моих родных выжил, что мы победили. А еще мысленно объяснял Лидии, что «перезагрузиться» — это глупость. Я понял, что жизнь одна — она не повторится, а война — это страх, боль потери и вера. Вера в Бога. Вера в родителей, армию, страну, в победу.

Слезы тихо текли по моему лицу... **НО**